

УДК: 165

О «байскопическом» подходе к скептическому парадоксу

И. Е. Прись, кандидат философских наук, кандидат физико-математических наук *

В статье указывается на некоторые недостатки эпистемологического дисджонктивизма и на необходимость его синтеза с виттгенштайновским прагматизмом. В частности, эпистемологический дисджонктивизм неприменим к осевым предложениям Виттгенштайна. Поэтому решение скептической проблемы в рамках чистого дисджонктивизма проблематично. Мы анализируем решение («растворение») скептической проблемы о существовании внешнего мира, предложенное Дунканом Притчардом, в рамках его «байскопического» подхода, который комбинирует идеи Виттгенштайна об осевых предложениях и эпистемологический дисджонктивизм. Мы выражаем сомнение в необходимости дисджонктивистской компоненты подхода. Скептический сценарий бессмысленен, потому что всякое понимание предполагает употребление концептов, которые, в свою очередь, имеют смысл лишь в том случае, если они укоренены в реальности.

Ключевые слова: скептицизм, принцип замкнутости знания, принцип недоопределенности, универсальная рациональная оценка, осевое предложение, замкнутость рациональных оснований, эпистемологический дисджонктивизм, байскопическая теория, форма жизни, языковая игра.

On «Biscopic» Approach to the Sceptical Paradox

I. E. Pris, PhD in Philosophy and Physics

We reveal some deficiencies of epistemological disjunctivism. To remedy them, we suggest synthesising it with Wittgensteinian pragmatism. In particular, pure epistemological disjunctivism is not applicable to the hinge propositions. By consequence disjunctivist's solution to the sceptical problem is problematic. We analyze Duncan Pritchard's solution («undercutting») to the sceptical problem regarding our knowledge of the external world within his «biscopic» proposal combining Wittgenstein's idea of hinge propositions and epistemological disjunctivism. We raise doubts about the indispensability of the disjunctivist component of the proposal. The sceptical scenario is meaningless because the understanding presupposes the use of concepts which in turn are meaningful only if they are anchored in reality.

Keywords: scepticism, closure principle, underdetermination principle, universality of rational evaluation, hinge proposition, insularity of reasons, epistemological disjunctivism, biscopic theory, form of life, language game.

В одной из наших статей [6] мы указали на некоторые недостатки эпистемологического дисджонктивизма и на необходимость его синтеза с виттгенштайновским прагматизмом. В частности, решение скептической проблемы в рамках чистого дисджонктивизма проблематично. В своей новой книге Дункан Притчард [8] как раз и предлагает решение («растворение») скептической проблемы о существовании внешнего мира, которое комбинирует идеи Виттгенштайна об осевых предложениях [11] и эпистемологический дисджонктивизм [7]. Ниже мы анализируем «байскопический» аргумент Притчарда [8] и выражаем сомнение в необходимости его дисджонктивистской компоненты.

Как известно, скептик утверждает, что мы не знаем и не можем знать, существует ли внешний

мир. Говоря в современных терминах, мы не знаем и не можем знать, что мы не мозг в пробирке, манипулируемый сумасшедшим нейроученым. Как следствие, мы не можем иметь знание и об окружающих нас обыденных вещах. Например, утверждает скептик, я не могу знать, что передо мною сейчас находится мой компьютер.

Скептический парадокс (см. ниже) возникает как противоречие в системе употребляемых нами интуитивно понятных концептах. Ослабление или даже полное «растворение» парадокса (в последнем случае он считается иллюзорным) возможно в случае выявления принимаемого по умолчанию неверного теоретического / философского тезиса, продуктом которого он является.

Притчард аргументирует, что скептический парадокс о существовании внешнего мира имеет две

* Ассоциированный научный сотрудник, Университет Дортмунд (Германия).

независимые друг от друга формы, каждая из которых возникает как продукт специфической для этой формы парадокса неверной теоретической предпосылки. К таким двум неверным предпосылкам-тезисам он относит тезис об *универсальности рациональной оценки* и тезис о *замкнутости рационального обоснования* (insularity of reasons) (см. ниже). Обе формы парадокса, таким образом, могут быть «растворены», но по-разному.

В рамках объединенного («байскопического») подхода Притчарда [8] соответствующие двум формам скептицизма антискептические аргументы получают взаимную поддержку и таким образом усиливаются.

Одна форма скептического парадокса основана на принципе замкнутости (рационального) знания, а другая — на принципе недоопределенности рационального обоснования.

В одной из формулировок принцип замкнутости (рационального) знания говорит, что если субъект *C* имеет рациональное знание, что *A*, и он компетентным образом выводит из *A*, что *B*, приходя таким образом ко мнению, что *B*, и удерживая при этом знание, что *A*, то он приобретает рациональное знание, что *B*. (Речь идет о «рациональном» знании в смысле знания, которое имеет доступное рефлексии рациональное обоснование.)

Принцип недоопределенности говорит, что если субъект *C* знает, что *A* и *B* описывают несовместимые друг с другом сценарии, и у субъекта нет рациональных оснований, позволяющих отдать предпочтение сценарию *A* по сравнению со сценарием *B*, то у него нет рационального знания, что *A*.

Как принцип замкнутости знания, так и принцип недоопределенности рационального обоснования являются достаточно убедительными эпистемологическими принципами. Притчард показывает, что скептические парадоксы можно растворить, сохраняя указанные принципы. Парадоксы возникают в результате их неправильного применения.

Заметим, что принцип замкнутости знания сильнее принципа недоопределенности рационального обоснования, и соответственно первая форма парадокса сильнее второй. Поэтому избавление от первой формы парадокса еще не означает избавления от его второй формы.

В самом деле, принцип недоопределенности эквивалентен следующему «принципу рационального основания»: если, принимая-в-рассмотрение-всё, *A* имеет в свою пользу рациональные основания (*A* может быть рациональным знанием), и из *A* следует *B*, то отрицание *B* не имеет в свою пользу рациональных оснований. Это утверждение слабее следующего из принципа замкнутости знания

утверждения, что при тех же условиях *B* имеет в свою пользу рациональные основания (*B* является рациональным знанием).

Соответственно, как мы увидим ниже, первая форма скептического парадокса требует наличия рационального знания отрицания скептической гипотезы, тогда как вторая требует лишь отсутствия рациональных оснований в пользу скептического сценария (т. е. растворение второй формы парадокса требует лишь наличия «благоприятных оснований» в пользу обыденного знания).

Итак, изложим обе формы скептического парадокса и способы их «растворения», которые, очевидно, не должны противоречить друг другу. Начнем со скептического парадокса, основанного на принципе замкнутости знания.

Парадокс имеет вид следующих интуитивно правдоподобных, но противоречащих друг другу утверждений. 1. Мы не можем рационально знать, что мы не мозг в пробирке. (По определению, мозг в пробирке имеет в точности те же мысли, чувства, ощущения и так далее, что и мы.) 2. Принцип замкнутости (рационального) знания. 3. Мы рационально знаем многое об окружающих нас вещах. Например, я рационально знаю, что я сейчас сижу за компьютером и пишу этот текст.

Противоречие возникает следующим образом: если я рационально знаю, что я сижу за компьютером, то в соответствии с принципом замкнутости знания (см. выше) я могу прийти к рациональному знанию, что компьютер и я сам (и, наконец, окружающий мир) реально существуют, т. е. к рациональному знанию, что я не мозг в пробирке. Это противоречит утверждению 1. Скептик принимает утверждение 1 и отвергает утверждение 3.

Виттгенштайновское растворение этого парадокса основано на его понятии осевого предложения.

Согласно *Моору* [4], я знаю, что у меня две руки, потому что я вижу, что у меня две руки. Виттгенштайн критикует фундаментализм Моора. Утверждение, что я вижу, что у меня две руки, не является более достоверным, чем утверждение, что у меня две руки. Поэтому первое не может быть обоснованием для второго. С таким же правом мы могли бы употребить второе утверждение для обоснования первого. Для Виттгенштайна «У меня две руки» — осевое предложение [11].

Заметим, что, вообще говоря, перцептивный опыт не представление реальности, не экран между субъектом и объектом. Мы согласны с Жослином Бенуастом, что перцепция имеет неинтенциональное измерение, и между этим измерением перцепции и реальностью нет никакой дистанции — перцепция есть реальность (факт перцепции составля-

ет одно из измерений концепта реальности [2, с. 99; см. также 5]). На наш взгляд, это позволяет переинтерпретировать и усилить аргумент Моора.

Всякое суждение, мнение (которое могло бы быть знанием) или знание является в принципе рационально обосновываемым и подразумевает существование так называемых «осевых предложений», на которых в конечном итоге основывается их обоснование. Но сами осевые предложения не имеют рационального обоснования. Поэтому они ни истинны, ни ложны. Следовательно, они не являются ни мнениями (которые могли бы быть знанием), ни знанием. Они просто принимаются.

Ссылаясь на Виттгенштайна, Притчард говорит о «животности», «висеральности» наших осевых предложений. К этому мы бы добавили, что осевые предложения являются наиболее общими (в общем случае имплицитными) правилами наших естественных нормативных практик — «форм жизни» и принадлежащих им «языковых игр».

То есть можно согласиться с интерпретирующим Виттгенштайна Притчардом, что всякая рациональная оценка подразумевает (нерациональное) принятие (нерациональных) осевых предложений. Но, на наш взгляд, к этому следует добавить, что осевые предложения и любой концепт, используемый в рациональной оценке, должны быть укоренены в реальности (существование реальности предполагается!). В противном случае мы будем иметь дело не с употреблением концептов, а с бессмыслицей.

Также и в парадигматических случаях применения наших концептов / правил (слов) (в частности, в парадигматических случаях перцепции) последние, как правило, не могут не отсылать к тому, к чему они по самой своей природе предназначены отсылать. А это также предполагает реальность внешнего мира. [1; 5].

Феноменолог *Клод Романо* [9] также аргументирует, что для того чтобы объяснить практические способности субъекта, которыми он обладает, необходимо допустить существование (внешнего) мира, реальности, в которой они укоренены, актуализируются.

То есть дело не только в том, что структура рационального обоснования предполагает принятие нерациональных осевых предложений, но также и в том, что сама природа осевых предложений, концептов и рационального обоснования предполагает существование реальности. Задание осевых предложений эквивалентно заданию некоторой (устоявшейся) формы жизни (т. е. реальности), философской грамматикой (правилами) которой они являются.

С точки зрения Притчарда, будучи эксплицированы, *осевые предложения* становятся особыми пропозициональными установками, которые не могут быть рациональными мнениями. Эти необосновываемые «мнения» являются достоверными (напротив, всякое обосновываемое мнение можно поставить под сомнение).

Для Виттгенштайна в понимании Притчарда отрицание скептической гипотезы есть осевое предложение, а не рациональное мнение (знание) или знание *simpliciter*. Поэтому принцип замкнутости знания к нему неприменим.

Точнее говоря, Притчард считает отрицание скептической гипотезы осевым предложением (и осевой установкой), которое является промежуточным между зависящими от контекста персональными осевыми предложениями и не зависящим от контекста «над-осевым» предложением (см. ниже).

Большинство осевых установок и предложений, как, например, «Я никогда не был на Луне», являются контекстуальными. Притчард называет их «персональными», и он полагает, что все персональные оси кодируют (каждая по-своему) одно общее, не зависящее от контекста «над-осевое» предложение (установку), представляющее собой отрицание радикальной ошибочности наших мнений.

Мы не можем ошибаться во всем. Но философский скептический сценарий эксплицитно ставит под сомнение «над-осевую» достоверность. Поэтому отрицание скептической гипотезы является не зависящей от контекста и общей для всех персональных осей осью — прямое следствие принятия над-осевой установки (и предложения).

Знание об обыденных фактах (см. утверждение 3 выше), например, знание, что передо мною компьютер, уже предполагает отрицание скептической гипотезы (поскольку оно предполагает над-осевое предложение, что наши мнения не могут быть радикально ошибочными), которое является осевым предложением, на котором оно основывается. Экспликация этого осевого предложения не есть его рациональное обоснование (рациональный вывод), которое невозможно.

Таким образом, парадокс исчезает. Все три утверждения, которые в совокупности составляют предполагаемый скептический парадокс, являются истинными и не противоречат друг другу. При этом утверждение о невозможности рационального знания отрицания скептической гипотезы следует понимать не в смысле наличия каких-то принципиальных эпистемологических препятствий для этого, а в смысле бессмысленности самого предприятия.

Притчард отмечает, что в основе парадокса лежит уже упомянутый нами выше теоретический / философский тезис об универсальности рациональной оценки, утверждающий, что нет предела для степени рациональной оценки наших мнений (в частности, возможна глобальная рациональная оценка. Применение принципа замкнутости в рамках скептического парадокса как раз это и подразумевает, поскольку оно представляет собой переход от локального рационального утверждения к глобальному). Но, согласно витгенштайновскому анализу структуры рациональной оценки, всякая рациональная оценка локальна и по самой своей природе предполагает нерациональное принятие некоторых (нерациональных) осевых предложений. Неограниченное расширение области применимости принципа замкнутости знания (когда ставятся под сомнение или обосновываются сами осевые предложения) нелегитимно.

Заметим, что локальность рациональной оценки означает не только неприменимость рациональной оценки к глобальному, т. е. скептическому сценарию, но также и принципиальную невозможность (или бессмысленность) чисто рациональной оценки в любой локальной ситуации. Другими словами, по самой своей природе рациональность не является чистой рациональностью, а предполагает нерациональные осевые предложения и укорененность в опыте, практике и реальности.

Эпистемологический дисджонктивизм (см. также ниже) утверждает возможность «чисто» рациональной фактивной (т. е. с необходимостью, влекущей существование соответствующего факта) оценки в парадигматических случаях перцепции. Это на первый взгляд противоречит витгенштайновскому отрицанию универсальности рациональной оценки (а на самом деле укрепляет антискептический аргумент, основанный на принципе замкнутости знания, так как простое отвержение универсальности рациональной оценки может создать иллюзию, что скептик прав).

Но, во-первых, в случае дисджонктивизма речь идет о локальной оценке, которая не может быть глобализирована (сами осевые предложения не могут быть рационально (фактивно) обоснованы, поскольку это не имеет смысла), а во-вторых, даже локальная рациональная оценка предполагает, как уже сказано выше, нерациональное принятие некоторых осевых предложений и укорененность рациональных оснований в практике (доступные рефлексии фактивные рациональные основания укоренены в исходном неререфлексивном опыте (практике)).

Вторая форма парадокса, основанная на принципе недоопределенности рациональных оснований (см. выше), имеет следующий вид. 1. По самому определению скептического сценария у меня нет рациональных оснований предпочесть ему сценарий, согласно которому то, что я вижу перед собой, действительно компьютер, а не иллюзия, созданная в моем мозгу сумасшедшим нейроученым. 2. Принцип рациональной недоопределенности (см. выше). 3. Я знаю, что передо мною компьютер. Из утверждений 1 и 2 следует отрицание утверждения 3.

Притчард обнаруживает, что в основе этого парадокса лежит использование тезиса об изолированности рациональных оснований, утверждающего, что даже наилучшие рациональные основания, которые мы имеем в пользу наших обыденных мнений, могут быть ложными (т. е. мы можем радикально ошибаться). В соответствии с этим тезисом вторая форма скептического парадокса предполагает, что в обоих сценариях рациональные основания субъекта одни и те же.

Утверждение об изолированности рациональных оснований является именно неверным философским тезисом, а не утверждением здравого смысла. Согласно эпистемологическому дисджонктивизму, в парадигматических случаях перцепции субъект имеет доступные рефлексии рациональные фактивные основания для знания. (Фактивное основание логически влечет наличие факта.) Например, в случае перцептивного знания, что передо мною находится компьютер, у меня есть следующее доступное рефлексии рациональное фактивное основание: «Я вижу, что передо мною компьютер». Отсюда с необходимостью следует, что передо мною компьютер. И, следовательно, я знаю, что передо мною компьютер.

Дисджонктивизм предлагает следующее разрешение скептического парадокса, основанного на принципе недоопределенности.

В сценарии, когда передо мною действительно компьютер, рациональные основания являются фактивными (и я, таким образом, знаю, что передо мною компьютер). В скептическом сценарии рациональные основания (которые лишь на первый взгляд являются теми же) не являются фактивными. Фактивные рациональные основания являются более предпочтительными. Поэтому принцип недоопределенности неприменим. На самом деле (благодаря именно благоприятствующим, а не дискриминационным, рациональным основаниям (дискриминация двух сценариев невозможна по определению)) я знаю, что передо мною компьютер.

Заметим, что, как уже сказано выше, утверждается не наличие рациональных оснований (рацио-

нального знания) для отрицания скептической гипотезы, а отсутствие рациональных оснований для ее принятия. Первое утверждение привело бы к введению в игру принципа замкнутости знания и его применению к глобальному (скептическому) сценарию.

Итак, единственное, что позволяет с точки зрения дисджонктивизма отдать предпочтение антискептическому сценарию, — это то, что рациональные основания в этом сценарии фактивны.

В обыденных ситуациях дело обстоит несколько иначе. Например, если в зоопарке мы не можем по внешнему виду (перцептивно) отличить зебру от подделанного под зебру мула, у нас тем не менее есть благоприятствующие (но не дискриминационные) рациональные основания вида: «Нет смысла подделывать зебру под мула», «Подделка могла бы быть легко обнаружена» и так далее, благодаря наличию которых мы знаем, что перед нами зебра, а не подделанный под зебру мул.

Описанная ситуация есть ситуация локального скептицизма, в которой под сомнение ставится лишь ограниченное число утверждений, которые обычно считаются знанием. Основные (и общие для двух сценариев) осевые предложения (отрицание скептической гипотезы, утверждение о существовании зоопарка, нас самих и так далее) сомнению не подвергаются. Указанные выше благоприятствующие основания их предполагают.

В случае глобального скептического сценария осевых предложений нет вообще (и, следовательно, нет общих для скептического и нескептического сценариев осевых предложений). Поэтому не имеет смысла выдвигать «благоприятствующие рациональные основания» в пользу нескептического сценария.

Выше мы отметили, что привлечение дисджонктивизма к основанному на виттгенштайновской идее осевых предложений растворению первой формы скептического парадокса позволяет усилить антискептический аргумент. Теперь мы увидим, что использование виттгенштайновской идеи об осевых предложениях позволяет усилить дисджонктивистский антискептический аргумент.

Сам по себе этот аргумент оказывается достаточно претенциозным, поскольку из него и принципа замкнутости знания, на первый взгляд, следует, что мы имеем доступные рефлексии фактивные рациональные основания в пользу отрицания скептической гипотезы (следовательно, мы можем рационально знать, что мы не мозг в пробирке). Например, такое заключение, на первый взгляд, следует из наличия у меня (доступных моей рефлексии) рациональных фактивных оснований, что передо мною компьютер (такowymi яв-

ляются: я вижу, что передо мною компьютер), и принципа замкнутости знания.

Антискептический дисджонктивистский аргумент сам по себе, т. е. не будучи комбинирован с виттгенштайновским аргументом, оказывается, в частности, слабее контекстуалистского аргумента, утверждающего, что рациональные основания для мнения зависят от контекста, так что в обыденном контексте субъект имеет фактивные рациональные основания, а в скептическом контексте он имеет нефактивные рациональные основания (соответственно, знание / незнание зависит от контекста. В скептическом контексте субъект не знает то, что он знает в обыденном контексте; и в этом (и только этом) смысле, с точки зрения контекстуализма, скептицизм верен).

Напротив, в сочетании с виттгенштайновским антискептическим аргументом дисджонктивистский аргумент становится умереннее, и он становится сильнее контекстуалистского аргумента. В рамках виттгенштайновского дисджонктивизма принцип замкнутости знания неприменим к скептическому сценарию. Поэтому рациональное знание отрицания скептической гипотезы невозможно (и даже не имеет смысла). Сам скептический сценарий оказывается противоречивым и даже, строго говоря, бессмысленным. В этом сценарии у субъекта вообще нет рациональных оснований (даже нефактивных рациональных оснований), так как всякие рациональные основания предполагают наличие осевых предложений, которые в скептическом сценарии отсутствуют по определению.

То есть, как нам представляется, дело даже не в том, что в одном сценарии мы имеем фактивные рациональные основания, а в другом (скептическом) нефактивные, а в том, что в одном сценарии мы имеем рациональные основания, а в другом нет. (Это, с нашей точки зрения, ставит под сомнение необходимость принятия доктрины эпистемологического дисджонктивизма (против аргумента Притчарда). Виттгенштайновский аргумент оказывается достаточным. (См. ниже.))

Таким образом, в рамках объединенной виттгенштайновско-дисджонктивистской трактовки скептического парадокса обе его формы растворяются.

Отметим, что в статье [6] мы критикуем недостатки чистого дисджонктивизма и, как нам кажется, предвосхищаем некоторые элементы вышеизложенного подхода Притчарда. В частности, в этой статье мы выражаем сомнение в том, что предложенное Притчардом [7] решение скептической проблемы в рамках дисджонктивизма удовлетворительно, поскольку дисджонктивизм, строго говоря, не имеет смысла применительно к виттгенштайновским осевым предложениям. Мы так-

же указываем на то, что по крайней мере некоторые парадигматические случаи перцепции в принципе не отличаются от осевых предложений [6].

Следовательно, несмотря на то, что эпистемологический дисджонктивизм претендует на то, что он применим к парадигматическим случаям перцепции, как нам кажется, в случае парадигматических / осевых предложений так называемые «фактивные рациональные основания» на самом деле являются не рациональными основаниями, а осями.

Если некоторые парадигматические-осевые предложения не могут быть рационально обоснованы, то эпистемологический дисджонктивизм к ним неприменим, поскольку он апеллирует к фактивным рациональным основаниям.

Можно предположить, что дисджонктивизм применим к неосевым парадигматическим случаям перцепции, предполагающим осевые парадигматические случаи перцепции.

В то же время, так же как и *Смитиз* [10], мы полагаем, что вовсе не очевидно, что наши обыденные представления говорят нам, что в парадигматических случаях перцепции наши перцептивные мнения имеют фактивные рациональные основания. Обыденные представления могут говорить нам, что основаниями для наших мнений являются нефактивные основания типа «мне кажется, что я вижу, что р», если при этом предполагается, что наша перцепция является безошибочной.

Возможно, рациональные основания для знания в парадигматических случаях перцепции следует понимать не в смысле наличия у них некоей особой фактивной природы, а в смысле их достаточно сильной укорененности в факте, которая делает возможным практически автоматическое прагматическое закрытие эпистемологического провала между эксплицитными (неполными) рациональными основаниями и знанием о факте [6].

То есть, как нам кажется, для решения дуальной (двух форм) скептической проблемы нет необходимости в привлечении дисджонктивизма. Идея укорененности всякой рациональности в реальности, то есть идея, что рациональность никогда не является чистой рациональностью, достаточна.

В заключение отметим, что *Роберт Брандом* [3] указывает на общую для рационалистов и редукционных материалистов неверную наивную семантическую предпосылку, которая состоит в чет-

ком разделении и независимой трактовке семантики и эпистемологии.

Применительно к скептической проблеме это означает, что мозг-в-пробирке (вследствие отсутствия какого-либо контакта с внешней средой) не мог бы мыслить и, в частности, он не мог бы сформировать суждение, что он мозг-в-пробирке, или суждение, что он не мозг-в-пробирке. (То есть скептическая проблема растворяется.)

Витгенштейн пишет [11, § 383]: «Das Argument „Vielleicht träume ich“ ist darum sinnlos, weil dann eben auch diese Äußerung geträumt ist, ja auch das, daß diese Worte eine Bedeutung haben» (аргумент «быть может, я вижу сон» бессмысленен, потому что тогда мне снилось бы и это высказывание, а также и то, что эти слова имеют смысл. *Перевод мой*). Это согласуется с высказанным выше предположением, что мы не нуждаемся в дисджонктивизме, чтобы избавиться от скептического парадокса.

Список цитированных источников

1. *Benoist, J.* *Éléments de philosophie réaliste* / J. Benoist. — Paris, 2011.
2. *Benoist, J.* *Le bruit du sensible* / J. Benoist. — Paris, 2013.
3. *Brandom, R.* Reason, Genealogy, and the Hermeneutics of Magnanimity / R. Brandom [Electronic resource]. — Mode of access: www.academia.edu/12576339/Reason_Genealogy_and_the_Hermeneutics_of_Magnanimity. — Date of access: 28.09.2015.
4. *Moore, G. E.* Proof of an External World / G. E. Moore // *Proceedings of the British Academy*. — Vol. 25. — London, 1939. — С. 273—300.
5. *Прись, И. Е.* О новом философском методе и новой реалистической философии Жослина Бенуаста / И. Е. Прись // *Философия и соц. науки*. — 2014. — № 1. — С. 32—36.
6. *Прись, И. Е.* Проблема доступа в теории эпистемологического дисджонктивизма / И. Е. Прись // *Филос. мысль*. — 2014. — № 10. — С. 1—25.
7. *Pritchard, D.* *Epistemological Disjunctivism* / D. Pritchard. — Oxford, 2012.
8. *Pritchard, D.* *Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing* / D. Pritchard. — Princeton, 2015.
9. *Romano, C.* *Au cœur de la raison, la phénoménologie* / C. Romano. — Paris, 2010.
10. *Smithies, D.* Review of the Book: Pritchard D., *Epistemological Disjunctivism*. Oxford, 2012 / D. Smithies // *Notre Dame Philosophical Reviews*. — 2013.
11. *Wittgenstein, L.* *On Certainty* / L. Wittgenstein. — Oxford, 2003.

Дата поступления в редакцию: 21.08.2015 г.